

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

**ПОЧЕТНЫЕ ДОКТОРА
УНИВЕРСИТЕТА**

Абдусалам
ГУСЕЙНОВ

**ФИЛОСОФИЯ —
МЫСЛЬ И ПОСТУПОК**

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ЛЕКЦИИ, ИНТЕРВЬЮ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012

ББК 87
Г96

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, член-корреспондент Российской академии наук,
академик Российской академии образования,
ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор культурологических наук, профессор

Гусейнов А. А.

Г96 **Философия — мысль и поступок** : статьи, доклады,
лекции, интервью. — СПб. : СПбГУП, 2012. — 840 с. —
(Почетные доктора Университета).

ISBN 978-5-7621-0668-9

В книге публикуются избранные научные труды выдающегося отечественного философа, академика Российской академии наук, директора Института философии РАН А. А. Гусейнова. В издание включены работы ученого о назначении философии, о культуре, политике и морали. Академик А. А. Гусейнов первым в отечественной философии исследовал золотое правило нравственности. Он развивает концепцию негативной этики, с точки зрения которой моральный абсолютизм приобретает действительность в форме категорических запретов. А. А. Гусейнов считает, что философия представляет собой единство гносеологии и этики; будучи особой формой познания, она является также определенной жизненной позицией.

Отдельный раздел книги составили лекции и выступления А. А. Гусейнова в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, почетным доктором которого он является. Книга, вышедшая в серии «Почетные доктора Университета», адресована ученым, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей.

ББК 87

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович

ФИЛОСОФИЯ — МЫСЛЬ И ПОСТУПОК

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ЛЕКЦИИ, ИНТЕРВЬЮ

Ответственный редактор *И. В. Петрова*; дизайнер *В. Б. Клоков*;
технический редактор *Л. В. Климкович*; редактор *Я. Ф. Афанасьева*,
корректоры: *О. В. Афанасьева*, *Т. А. Кошелева*, *О. Л. Говорина*

Подписано в печать с оригинал-макета 12. Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура JournalC
Усл. печ. л. 52,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука», 199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

ISBN 978-5-7621-0668-9

9 785762 106689

© Гусейнов А. А., 2012

© СПбГУП, 2012

VII. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ТЕКСТЫ

Лекции, выступления в СПбГУП

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ: УРОКИ Л. Н. ТОЛСТОГО*

Жизнь Л. Н. Толстого по всем общепринятым критериям сложилась счастливо. В ней с избытком было все, что обычно высоко ценится людьми: благосклонность судьбы, сильные страсти, богатство, общественный успех, семейные радости. Однако ничто не приносило ему полного удовлетворения. Он часто оказывался в душевном смятении. В середине 1870-х годов он пережил глубокий внутренний кризис, в результате которого пришел к выводу, что вся его предшествующая жизнь была ложной в своих нравственных основах. Его даже стала преследовать мысль о самоубийстве. Спасение Толстой нашел в учении Иисуса Христа, которое, как он считал, было искажено церковью. В ходе систематической критики догматического богословия он пришел к выводу, что Иисус Христос — не бог, а великий социальный реформатор и что суть его учения составляет заповедь непротивления злу. За неортодоксальные взгляды Л. Н. Толстой решением Синода в 1901 году был отлучен от церкви.

---

* Опубликовано: Человек в современной социально-культурной ситуации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 мая 1994 г. / СПбГУП. СПб., 1994. С. 38–42.

Вторую половину своей сознательной жизни он посвятил тому, чтобы практиковать, обосновывать и проповедовать этико-социальную программу Христа. Соответствующие произведения (назовем только основные из них) можно подразделить на четыре цикла: исповедальный — «Исповедь» (1879–1881), «В чем моя вера?» (1884); теоретический — «Что такое религия и в чем сущность ее?» (1884), «Царство Божие внутри вас» (1890–1893), «Закон насилия и закон любви» (1908); публицистический — «Не убий» (1900), «Не могу молчать» (1908); художественный — «Смерть Ивана Ильича» (1886), «Крейцера соната» (1887–1889), «Воскресение» (1889–1899), «Отец Сергей» (1898).

Резкая — на 180 градусов — перемена жизнеустоев Толстого не имеет однозначного объяснения. Духовные метания длились несколько лет, окончательный перелом наступил в 1878 году, когда Толстому исполнилось 50 лет. По-видимому, именно эта критическая точка, достигнув которой кривая жизни идет вниз, и стала толчком к кризису. Непосредственно кризис выразился в растерянности, панике перед неизбежной смертью или, как выразался сам Толстой, в «остановках жизни». Вопрос: зачем жить, ради чего делать все то, что он делает, — превратился для него в настоящее наваждение. Толстой стал мучительно размышлять над смыслом жизни.

По мнению Толстого, вопрос о смысле жизни содержит констатацию того, что начало и последнее основание жизни заключены не в ней самой. Философы, например Шопенгауэр, говорящие о суетности и бессмысленности жизни, «впадают» в тавтологию, они не отвечают на вопрос, а только повторяют его. Вопрос требует приравнивания конечного к бесконечному, его можно переформулировать так: какое вечное, неуничтожимое, бессмертное значение имеет жизнь человека? Вопрос о смысле жизни подводит к понятию Бога. Бог и есть начало жизни, всего того, что познает разум. Больше о Боге ничего определенного сказать нельзя. Это — предел разума, устанавливаемый самим разумом. В силах разума доказать, что Бог существует, но не в его силах доказать, что такое Бог.

Толстой уподобляет понятие Бога понятию бесконечного числа. Бесконечное число выводится из сложения, знание о существовании Бога выводится из вопроса: откуда я? Стремление к Богу как к изначальной полноте истины есть свобода. Человек, не зная никакой истины или зная ее всю, не был бы свободен. Свобода связана со срединностью человеческого бытия и состоит в движении от меньшей истины к большей. Как считает Толстой, существуют истины троякого рода. Во-первых, истины, уже ставшие привычкой. Во-вторых, истины, которые еще остаются смутными. И те и другие являются сферой необходимости. В-третьих, истины, которые уже стали совершенно ясными, но еще не превратились в привычку. По отношению к ним обнаруживается свобода человека. Свобода ведет человека по пути к Богу. Признание Бога как источника жизни и разума предопределяет совершенно определенное отношение человека к нему, которое Толстой уподобляет отношению сына к отцу, работника к хозяину. Суть отношения человека к Богу уместается в короткую формулу: не как я хочу, а как он хочет. Это формула любви, которая одновременно есть формула добра.

Любить Бога — таков высший закон жизни и нравственный императив человека, вытекающий из его объективного положения в мире. Так как человек не знает о Боге ничего, кроме того, что тот существует, то его отношение к нему реализуется не прямо, а косвенно — через правильное отношение к другим людям и к самому себе. Правильное отношение есть братское отношение, оно вытекает из того, что все люди находятся в одинаковом отношении к Богу, они — его дети. Правильное отношение к себе есть спасение души, оно определяется тем, что именно душа является средоточием божественного начала в человеке. Из этих двух отношений первичным, базовым, является отношение к себе. Сознание степени несоответствия с непостижимой полнотой божественного идеала — таков критерий правильного отношения к себе. Человек, понимающий, что он бесконечно далек от совершенства, всегда будет стремиться к тому, чтобы находиться по отношению к другим в положении слуги, а не господина.

Понятия Бога, свободы и добра Толстой рассматривал как смысложизненные. В послесловии к «Крейцеровой сонате» Толстой говорит о двух способах ориентации в пути: в одном случае путь обозначается через конкретные предметы, которые последовательно должны встретиться на нем; во втором случае указывается только направление движения, контролируемое компасом. Точно так же существуют два способа нравственного руководства: при одном дается точное описание обязательных поступков (соблюдай субботу, не кради и т. д.), при втором задается недостижимое совершенство идеала. С помощью идеала, как и с помощью компаса, можно только установить степень отклонения от пути. Смысл жизни и есть идеал; его назначение — быть укором человеку, указывать ему на то, чем он не является.

Наиболее точное понимание смысла жизни как идеала, движения к бесконечному дает Иисус Христос, все учение которого есть метафизика и этика любви. Наряду с вечным идеалом Христос в прямой полемике с законом Моисея формулирует пять конкретных заповедей (Мф. V: 21–48): не гневайся; не оставляй жену; не присягай; не противься злему; не считай врагами людей других народов. Эти заповеди — метки на бесконечном пути к совершенству. Все они являются отрицательными, указывают на то, что люди могут уже не делать. Центральной в христианском пятисловии Толстой считал четвертую заповедь «Не противься злему», которая налагает абсолютный запрет на насилие.

Толстой дает три постепенно углубляющихся определения насилия: а) физическое пресечение, убийство или угроза убийства; б) внешнее воздействие; в) узурпация свободной воли. В его понимании насилие тождественно злу и прямо противоположно любви. Любить — значит делать так, как хочет другой. Насиловать — значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие. Заповедь непротивления является негативной формулой закона любви.

Непротивление переводит человеческую активность в план внутреннего нравственного самосовершенствования. Всякое на-

силе, каким бы сложным ни был его причинный ряд, имеет последнее звено — кто-то должен нажать кнопку для выстрела и т. д. Самый надежный путь искоренения насилия состоит в том, чтобы начать с этого последнего звена — с индивидуального отказа участвовать в насилии. Если не будет палача, то не будет и смертной казни. Толстой анализирует аргументы обыденного сознания против непротивления: учение о непротивлении прекрасно, но его трудно исполнить; нельзя одному идти против всего мира; непротивление сопряжено со слишком большими страданиями. Он раскрывает логическую противоречивость этих аргументов и их фактическую несостоятельность. Учение Христа не только нравственно, но и благоразумно, оно учит не делать глупостей.

Толстой считает, что если каждый через непротивление будет заботиться о спасении своей души, то именно это откроет путь к человеческому единению. Исходная задача, которую предстоит решить, состоит в следующем: как преодолеть общественные конфликты, которые приняли форму нравственного противостояния, каким образом разрешить столкновения людей, когда одни считают злом то, что другие считают добром? Люди тысячелетиями пытались выйти из этой ситуации путем противостояния злу злом, с помощью справедливого возмездия по формуле «Око за око». Они исходили из предпосылки, что зло должно быть наказано, что более добрые должны обуздать более злых. Но откуда мы знаем, где зло, кто более добрый, а кто более злой? Ведь суть конфликта и состоит в том, что у нас нет общего критерия зла. Не может быть того, пишет Толстой, чтобы более добрые властвовали над более злыми. Каин убивает Авеля, а не наоборот. В такой ситуации, когда нет согласия по вопросу о добре и зле, есть только одно решение, которое ведет к согласию: никто не должен вести себя так, будто он знает и будто именно ему дано судить, что такое добро и зло.

Если исходить из общечеловеческой морали христианства, согласно которой все люди суть сыны человеческие и равны в своем нравственном достоинстве, то обосновать насилие человека над человеком невозможно. В «Воспоминаниях о суде над

солдатом» Толстой пишет, что смертная казнь является для него одним из таких человеческих поступков, факт совершения которых не разрушает в нем сознание невозможности их совершения. Он считал смертную казнь худшим из всех убийств из-за того, что она совершается с холодной систематичностью и, самое главное, с претензией на законность, оправданность. По этим же основаниям, с точки зрения Толстого, официально санкционированные и систематически организованные формы насилия хуже неофициальных и спонтанных, насилие монарха хуже, чем насилие разбойника, репрессии властей хуже, чем терроризм революционеров.

Люди в большинстве своем не исполняют закона непротивления, даже не верят ему. Почему? Толстой называет две основные причины. Первая состоит в многотысячелетней традиции опоры на закон насилия. Толстой вопреки распространенным суждениям его критиков (например, И. А. Ильина) не стоит на позиции абстрактно-моралистического отрицания насилия. Он допускает оправданность государственного насилия в прошлом и даже настоящем. В исторической обоснованности насилия лежит объяснение его исторической инерции. Вторая причина заключается в целенаправленном искажении христианского учения со стороны христианских церквей. Это искажение выразилось в том, что: а) каждая из церквей объявила себя единственной хранительницей истины христианства; б) само учение было сведено к символу веры, призванному подменить Нагорную проповедь; в) была поставлена под сомнение заповедь непротивления злу, санкционированы войны и жестокости. Учение Христа из сферы нравственных обязанностей и поступков переместилось в область внутренних надежд и мечтаний. В результате насилие получило дополнение и продолжение в обмане. В христианском мире сложилась противоестественная ситуация, когда люди исповедуют то, что они на деле отрицают.

Толстовская философия непротивления есть разновидность философии истории. Непротивление Толстой рассматривал как приложение учения Христа к общественной жизни, его социальную программу. Непротивление злу в его понимании —

это единственно эффективная форма борьбы со злом. Насилие, в особенности государственное, в значительной мере держится на поддержке со стороны тех, против кого оно применяется. Поэтому простое неучастие в насилии, достигаемое через непротивление, уже есть его ослабление. Кроме того, Толстой говорит не вообще о непротивлении злу, а о непротивлении злу насилуем, физической силой. Это не исключает противление злу другими — ненасильственными — методами. Толстой не разрабатывал тактику коллективного ненасильственного сопротивления, но его учение допускает и даже предполагает ее. Сфера действия такой тактики — духовное влияние, ее типичные формы — убеждение, спор, протест и т. д. Толстой в беседе (1886) с американцем Джорджем Кеннаном назвал свой метод революционным. Смысл толстовского непротивления — не в том, чтобы добиться пропуска в рай, а в том, чтобы качественно преобразить отношения в обществе — через изменение духовных основ жизни достичь мира между людьми.

В своих духовных поисках Толстой не ограничивался учением Христа, хотя и считал его самым совершенным из всего, что создано человеческим гением. Он также изучал брахмизм, буддизм, даосизм, конфуцианство, иудаизм, магометанство. Находя в них много ценного, Л. Н. Толстой пришел к более важному выводу. По его мнению, всем религиям присуще единое духовное ядро, которое раскрывается в следующих положениях: а) есть начало всего, и это Бог; б) в каждом человеке есть божественное начало, которое он в ходе своей жизни может увеличить или уменьшить; в) оно увеличивается тогда, когда человек приумножает в себе любовь, одновременно уменьшая эгоистические страсти; г) чтобы добиваться этого, надо руководствоваться золотым правилом нравственности — относиться к другим так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе.